

Александр Авдеев
Москва (Россия)

Стихотворная эпитафия Черниговского полковника Якова Кондратьевича Лизогуба¹

В Елецком Успенском монастыре сохранилось надгробие со стихотворной эпитафией Черниговского полковника Якова Кондратьевича Лизогуба, умершего в 1698 г.² Оно пережило запустение монастыря в советское время³ и находится *in situ*. В этом отношении его судьба оказалась более счастливой, нежели стихотворной эпитафии Ивана Домонтовича (ум. 1683 г.) в Николаевском Крупицком Батуринском монастыре, погибшей вместе с Никольским собором в 20-е гг. XX в.

Надо сказать, что стихотворная эпитафия Московской Руси второй половины XVII – начала XVIII в. изучена сравнительно слабо. Не до конца решённым остаётся вопрос о соответствии эпитафий, сохранившихся в большом количестве списков конца XVII–XVIII вв., «реальным» надгробным памятникам⁴. Главный камень преткновения здесь – многочисленность списков и малочисленность уцелевших надгробных плит эпохи восточнославянского барокко со стихотворными эпитафиями.

¹ Глава представляет собой переработанный вариант ранее опубликованной научно-популярной статьи: А.Г. Авдеев, *Воин русский храбрый. Стихотворная эпитафия Якова Кондратьевича Лизогуба*, «Родная старина. Поиски. Находки. Открытия» 2011, № 3, с. 30–39.

² *Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея*, «Река времён», Москва 1996, Кн. IV, с. 243. (далее – РПН–2).

³ Елецкий монастырь был закрыт в 1921 г. и возвращён Церкви в начале 90-х гг. XX в.

⁴ Попытку А.П. Богданова, который на примере стихотворных эпитафий, сохранившихся в черновиках Кариона Истомина, попытался доказать, что все они были увековечены в камне (А.П. Богданов, *Стих и образ изменяющейся России. Последняя четверть XVII – начало XVIII в.*, Москва 2005, с. 34, 37, 40), нельзя признать успешной. Критике его концепции будет посвящена отдельная статья.

Интерес к эпитафии Лизогуба подогревается ещё и её расположением на территории бывшей Малороссии, в 1654 г. вошедшей в состав Московского царства, – и, следовательно, с XVI в. испытывавшей большее воздействие барочной культуры Речи Посполитой. Благодаря учёным монахам – выходцам из Малороссии и Белоруссии – с середины XVII в. это влияние было весьма ощутимо и в Москве – в том числе и в силлабической поэзии. Интересен и язык эпитафии. В восточнославянской силлабической поэзии второй половины XVII в. сложился единый литературный язык. Его основой был синтез «просторечных» языков – русского, украинского, белорусского и польского – с церковнославянским языком «высокой» книжности и богослужения и – частично – с языками западноевропейской учёности – латинским и древнегреческим⁵. А эпитафия Лизогуба как раз и даёт возможность ознакомиться с особенностями поэтического языка Малороссии, что называется, «в реальном режиме».

Яков Кондратьевич Лизогуб, поднявшийся из обычных казаков в малороссийскую элиту, – фигура известная в истории России и Украины⁶. Родился он в семье простого казака Кондратия Ивановича Лизогуба в переяславском местечке Гельмязове (ныне село в Золотоношском р-не Черкасской обл. Украины). Возникшее ещё во времена Киевской Руси, в 1362 г. оно вошло в состав Великого княжества Литовского. Вплоть до конца XVIII в. основным его населением было казачество.

Новое дворянство Левобережной Малороссии во второй половине XVII в. формировалось главным образом из войсковой старшины⁷, и пример Якова Лизогуба здесь типичен. В 1649 г. он был записан в реестровые казаки, что стало первым шагом по восхождению в элиту. В середине XVII в. польский сейм пожаловал одного из Лизогубов шляхетством за услуги, оказанные короне, что автоматически ввело в шляхетство весь род⁸. Около 1662 г. Яков уже был полковником Каневского полка Войска Запорожского. Дальнейшей карьере полковника немало способствовали гетманские уособицы, начавшиеся

⁵ См.: А.Г. Авдеев, *Старорусская эпитафика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпитафической поэзии*, Москва 2006, с. 72.

⁶ Основные факты биографии. См.: В. Модзалевский, *Лизогуб Яков Кондратьевич*, [в:] *Русский биографический словарь*, Санкт-Петербург 1914 (репринт: Москва 1996), Т. 9, с. 432; С.О. Павленко, *Оточення гетьмана Мазепи: Соратники та прибічники*, Київ 2009, с. 91–94.

⁷ А.Я. Ефименко, *Очерки истории Правобережной Украины. Малорусское дворянство и его судьба*, Москва 2010, с. 151.

⁸ Там же, с. 187.

после смерти Богдана Хмельницкого. Вначале Яков Лизогуб встал на сторону правобережного гетмана Ивана Брюховецкого (1663–1668), сторонником активного сближения с Москвой. В это время он часто выполнял функции наказного гетмана⁹, и в Москве даже вынашивали планы сделать каневского полковника гетманом Правобережной Малороссии, находившейся тогда под властью Речи Посполитой. Неудивительно, что в 1667 г., во время пребывания с посольством в Москве, Лизогуб был пожалован царём Алексеем Михайловичем российским дворянством. После гибели Брюховецкого новоиспечённый дворянин поддержал правобережного гетмана Петра Дорошенка (1665–1676), мечтавшего о полной автономии Малороссии, но тот лишил его полковничьей должности и назначил генеральным есаулом. К этому же времени относится и знакомство Лизогуба с Иваном Мазепой – тогда генеральным писарем у Дорошенки. Обиженный понижением по службе, Яков Кондратьевич переметнулся на Левобережье (Гетманщину), вошедшее в состав России, к противнику Дорошенки гетману Ивану Самойловичу (1672–1687), который пытался объединить Право- и Левобережную Малороссию. Дорошенко, недовольный этим «перелётом», не преминул отпустить в адрес Лизогуба колкость: «а за то хвала Богу, что Лизогуб к гетману подлизался: он как лизнёт, то и в пятках горячо будет»¹⁰. В 1677–1678 вместе с Самойловичем Лизогуб участвовал в Чигиринском походе, но полковничества так и не получил. Обиженный тем, что его уход от Дорошенки был оценён столь низко, Лизогуб примкнул к заговорщикам, желавшим смещения гетмана. В июле 1687 г. во время Первого Крымского похода они подали В. В. Голицыну

за себя и за все малороссийское войско челобитную за руками своими в измене и во многом неистовстве к вам, великим государем, подданным вашего Войска Запорожского, обеих сторон Днепра гетмана¹¹.

Иван Мазепа, ставший после «дворцового» переворота гетманом, отблагодарил старого знакомого за активное участие в интриге, назначив его наказным полковником Черниговского полка.

⁹ Лицо, избиравшееся казацкой старшиной чаще всего из полковников для руководства казацким войском во время похода.

¹⁰ Д.І. Яворницький, *Історія запорозьких козаків*, Київ 1990, Т. 2, с. 355.

¹¹ *Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах*, уп. С. Павленко, Київ 2009, Т. II, с. 29.

Этот полк входил в Войско Запорожское и был одной из его военно-административных единиц. Он был образован весной 1648 г., а его состав и административная территория были определены Зборовским реестром 19 октября 1649 г. Полковым городом стал Чернигов, бывший центр Черниговского воеводства Речи Посполитой. Первоначально в него входили 8 сотен, размещённых по городам и сёлам Черниговщины и насчитывавших 997 казаков и старшины. К тому времени, когда Яков Лизогуб стал полковником, Черниговский полк насчитывал уже 14 сотен.

В 1696 г. Яков Лизогуб в качестве наказного гетмана участвовал в Азовском походе Петра I. Штурм укреплений Азова, осуществлённый находившимися под его началом запорожскими казаками, оказал решающую роль в капитуляции крепости, за что полковник получил следующую характеристику царя-реформатора: «муж в добродетели и в военных трудах искусный»¹². За это

дано из казны монаршей на 15000 рядовых по два рубля на каждого козака, а на старшину и на знатных людей по 15 червонцев, полковникам по 10 червонцев, а Яков Лизогуб особенно жалован и отпущен в Украину с великою милостию и заверением вольностей козацких¹³.

Особое жалование царя наказному гетману состояло в сороке соболей, тридцати золотых рублях и трёх косяках материи лаудану¹⁴.

Как уже говорилось выше, Яков Лизогуб был пожалован московским дворянством, что автоматически вводило его и в малороссийское шляхетство. Но, в отличие от Москвы, в Малороссии, где укоренились традиции Речи Посполитой, атрибутом шляхетства являлся герб, считавшийся наглядным доказательством сословных привилегий и равноправия с польским дворянством¹⁵. Однако геральдические традиции здесь имели существенные отличия от западноевропейских

¹² Цит. по: С.М. Соловьёв, *История России с древнейших времён*, [в:] Соч. Кн. VII, Москва 1991, Т. 14, с. 547.

¹³ *Летописец, или описание краткое знатнейших действий и случаев, что в котором году діялось в Украини Малороссийской – обих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким*, [в:] Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе, Киев 1888.

¹⁴ М.М. Богословский, *Пётр Великий. Материалы для биографии. Т. I. Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 – 9 марта 1697*, Москва 2005, с. 335. Лаудан – сорт шёлковой ткани, как правило, китайского производства.

¹⁵ В.В. Румянцева, *Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма*, Киев 1986, с. 41.

ких. Прежде всего, в Речи Посполитой получили распространение не личные гербы, а территориальные, связывавшие шляхетство с той земельной воинской единицей – хоругвью, – к которой был приписан шляхтич и в составе которой он выступал во время войны¹⁶. Право на пользование шляхетскими польскими гербами для русского, литовского, малороссийского и белорусского боярства вне зависимости от вероисповедания, утверждённое Львовским привилеем короля Владислава II (Ягелло) в октябре 1432 г., предусматривало в первую очередь приобретение герба с польской шляхетской эмблематикой¹⁷.

На гербе Якова Лизогуба, коим он обзавёлся, была изображена вооруженная мечом рука на червлёном щите, сопровождаемая в середине кавалерским крестом; щит увенчан шлемом с дворянской короной; нашлемник: три страусовых пера; намет на щите красный, подложенный серебром. Данный герб генетически связан с геральдическими традициями Речи Посполитой, а потому попробуем разобраться с проблемой выбора его символики. Отметим сразу, что в силу недостаточной изученности малороссийской шляхетской геральдики, эмблемы, избранные для герба пока не могут иметь однозначного толкования.

С одной стороны, мы можем рассматривать герб как личный, свидетельствующий о происхождении рода Лизогубов из Гельмязова. Об этом, в частности, также говорят форма червлёного щита и кавалерский крест, которые имелись на гербе этого местечка. Можно предположить, что и сам Лизогуб мог связывать корни своего рода с Великим княжеством Литовским (в 1362 г. Переяславщина была захвачена Ольгердом). Главный элемент родового герба – рука с мечом – является элементом герба Великого княжества Литовского («погони»), на котором изображался всадник с поднятым над головой мечом. Отдельное же изображение руки с мечом («малая погоня») присутствовало в гербах многих дворянских родов польского, литовского и малороссийского происхождения. Неизвестно, однако, существовал ли герб Гельмязова в конце XVII в., так как одно из первых его изображений появляется в 1755 г. – и не исключено, что в результате деятельности Герольдмейстерской конторы, в 40-70-е гг. XVIII в. обеспечившей многие города Малороссии новыми гербовыми печатями¹⁸.

С другой стороны, герб Лизогуба может быть истолкован как территориальный служилый герб, связывавший его владельца со службой

¹⁶ Там же, с. 38–40.

¹⁷ Там же, с. 40–41.

¹⁸ Там же, с. 87–88.

по Чернигову. В. В. Румянцева убедительно показала, что изображение вооруженного всадника на гербах Речи Посполитой не всегда связано с «погонью», но может восходить и к общеевропейским геральдическим традициям¹⁹. Изображения кавалерских крестов имелись и на знамёнах Черниговского полка периода освободительной войны 1648–1654 гг.²⁰. Так что не исключено, что выбор герба Яков Лизогуб связывал с идеей воинского служения в Чернигове. Какая из точек зрения окажется наиболее верной, очевидно, покажут будущие исследования.

Умер черниговский полковник 9 августа 1698 г. и по завещанию был погребён в Елецком Черниговском монастыре, где находилась главная святыня города – чудотворный образ Божией Матери Елецкой. Заслуги Лизогуба подчёркивало участие в церемонии погребения архиепископа Черниговского Лазаря (Барановича).

В Чернигове с родом Лизогубов связаны три сооружения. Два из них имеют непосредственное отношение к Якову Кондратьевичу. Первое – это здание полковой канцелярии (так называемый «дом Лизогуба», известный также как и «дом Мазепы»), выстроенный на территории древнего Детинца в конце XVII в. в барочном стиле. Второе здание – это фамильная усыпальница в Елецком Успенском монастыре. Она пристроена по всей длине к южному фасаду Успенского собора и представляет из себя небольшой придельный храм во имя св. апостола Иакова, увенчанный двумя главами. Строился придел на средства сына Якова Лизогуба Ефима (Евфима) и был освящён 14 сентября 1701 г.²¹. В конце мая 1703 г. в этом приделе упокоился сам строитель, превратив, таким образом, его в первую фамильную усыпальницу Лизогубов. Третье здание – Екатерининская церковь, освящённая в 1715 г., – возведена внуками черниговского полковника Семёном и Яковом Ефимовичами в память о более чем тысяче казаках, не вернувшихся из-под стен Азова²².

Обратимся теперь к надгробию Якова Лизогуба, которое находится на южной внешней стене придельного храма справа от южной двери.

¹⁹ Там же, с. 55–56.

²⁰ Там же, с. 66.

²¹ А. Ефимов, свящ., *Черниговский Елецкий монастырь Успения Пресвятыя Богородицы со времени основания и до наших дней (1060–1903 год), святыни и достопримечательности обители*, Чернигов 1903, с. 206–207.

²² С.О. Павленко, *Оточення...*, с. 94.

Это белокаменная плита-вставка, обмеры которой не проводились²³. Врезная надпись в 11 строк. В нижней части надписи помещён вырезанный рельефно герб Лизогубов и акроним Я(ков) К(ондратьевич) Л(изогуб) // П(олковник) Ч(ерниговский). Стихотворные строки 9 и 10 размещены соответственно слева и справа от герба. Диакритика нерегулярная. Деление текста на слова нерегулярное; для выделения важных в смысловом отношении отрывков употребляются запятые и двоеточия. Шрифт надписи – гражданский, с включением отдельных букв церковнославянского алфавита. Из палеографических особенностей также отметим сигмообразную форму буквы С, характерную для малороссийских мемориальных надписей второй половины XVII в. Лигатуры: стк. 1 – ав в слове «Славны^и»; стк. 2 – ник в слове «по^лковникъ», ий в слове «храбрый», рэ в слове «бодрэй»; стк. 5 – ть в слове «девзть», ьи в слове «десзтыи»; стк. 6 – ыї в слове «нб7сныї»; стк. 11 – ими в слове «Стими». Оформление окончаний строк с помощью выносных букв: Славны^и (стк. 1), да^{вб}ны^и (стк. 2), побэди4те^л (стк. 4), над (стк. 5), девяти^и (стк. 5), град (стк. 6), подражате^л (стк. 8). Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: воин^б (стк. 1), чернэГоРдскі^и (стк. 2), благоразу^{мб}ны^и (стк. 3), многи< (стк. 4), над (стк. 7), итсы^и (стк. 8). В стк. 5 слово «десзтыи», а также четыре последние буквы в слове «здатель» написаны над строкой, так как фраза не уместилась в размер доски.

ЗДЭ язков, ли4зогубъ : воин^б роШкій Славны^и
 по^лковникъ чернэГоРдскі^и, храбрый : бодрэй, да^{вб}ны^и
 благоразу^{мб}ны^и, сего града : w4гради4тель :
 азо1ва, и4 многи< мэс8ть, крѣпкій : побэди4те^л
 в тыся1,чъ, шес, Σотъ w4смый годъ над девзть десзтыи
 азвгуста, в8, девяти^и, днь7 в8 нб7сныї, град взя4тый
 храма же, сего над нимъ, прещедрэйшый здатель
 овфи4мъ Т тыхъ, цноть : четсен8, итсы^и подражате^л
 егда здэ мбли Я# К Л хгте дш7у
 теΣяз ко^ичить (герб) я4кова впо :

²³ Изд.: П.М. Добровольский, *Черниговский Елецкий Успенский первоклассный монастырь. Историческое описание*, Чернигов 1900, с. 114 (гражданским шрифтом); А. Ефимов, свящ., *Черниговский Елецкий монастырь...*, с. 226 (гражданским шрифтом); РПН–2, Москва 1996, с. 243 (гражданским шрифтом в современной орфографии). Неполная публикация с частичным переводом на украинский язык: С.О. Павленко, *Оточення...*, с. 94 (по изд.: В. Модзалевский, П. Савицкий, *Очерки искусства старой Украины*, [в:] *Чернігівська старовина. Збірник наукових праць*, Чернігів 1992, с. 139). Первая публикация в соответствии с камнем: А.Г. Авдеев, *Воин русский храбрый...*, с. 30–39.

Словы тымиЗ, (герб) кой съ Σтими
 П (герб) Ч

Текстологический комментарий: 2. чернэГоРдскі^и] Чернѣговскій – П. М. Добровольский, свящ. А. Ефимов. Черниговский – РПН-2. бодрэй] бодрій – свящ. А. Ефимов. бодрый – РПН-2. 4. крѣпкій] в РПН-2 нет. побѣди4те^л] побѣдитель – П. М. Добровольский, свящ. А. Ефимов. победитель – РПН-2. 5. тися1,чъ] тысячъ – П. М. Добровольский, свящ. А. Ефимов. тысячъ – РПН-2. шес Σотъ] шесоть – П. М. Добровольский, свящ. А. Ефимов. шестьсот – РПН-2. w4смый] осьмый – П. М. Добровольский, свящ. А. Ефимов, РПН-2. nad] на – РПН-2. 7. же] ж – РПН-2. прещедрэйшый] прещедрѣйшій – П. М. Добровольский, свящ. А. Ефимов. прещедрейший – РПН-2. 8. овфи4мъ] Эвфимъ – П. М. Добровольский, свящ. А. Ефимов. Ефим – РПН-2. четсен8] честѣй – П. М. Добровольский, свящ. А. Ефимов. честей – РПН-2. подражате^{н6}] подражатель – П. М. Добровольский, свящ. А. Ефимов, РПН-2. 10. ко^нчитъ] кончить – П. М. Добровольский, свящ. А. Ефимов, РПН-2. 10-11. впокой] покой – РПН-2. 11. съ Σтими] со святыми – РПН-2.

Основа языка эпитафии – старорусский язык, однако слова, характерные для украинского языка, и украинизмы весьма многочисленны. Приведём их: храбрый (вместо «храбрый», стк. 2), тися1,чъ (вместо «тысящъ», стк. 5), овфи4мъ (малороссийская форма имени «Ефим», стк. 8), тыхъ (вместо «тѣхъ»), цнотъ (украинско-белорусское «добродетель» стк. 8)²⁴, впокой (вместо «упокой», стк. 9–10), Σтими (вместо «святыми», стк. 10). Неясно, является ли слово «прещедрэйшый» (стк. 7) украинизмом: окончание прилагательных с основой на *ш* на *-ый* характерно и для церковнославянского языка. Отдельно следует сказать о слове «чернэГоРдскі^и» (стк. 2). Прежде всего, оно этимологически связывает название Чернигова со словом «чёрный», а кроме того в нём присутствует характерная для староукраинского языка мена і на э²⁵, хотя окончание прилагательного характерно

²⁴ В современном украинском языке слово «цнота» имеет также значение «честь», однако в эпитафии Якова Лизогуба его следует понимать как «добродетели», так как далее в их числе упоминаются «чести».

²⁵ В старорусских надписях XVI–XVII вв. *ять*, потерявшая изначальное фонетическое звучание, обычно смешивалась с *е*. В староукраинском же языке в XVII в *ять* обычно смешивалась с *и*. Примеры подобного смешения можно встретить в малороссийских документах того времени, в частности, написание «Чернѣгов» и «Чернѣговскій» (напр.: *Доба гетьмана Івана Мазепи в документах*, уп. С. Павленко, Київ 2008, Т. I, с. 312–315, № 349–353 и др.).

для русского языка. На эту же фонетическую особенность указывает и прилагательное «бодрэй» в стк. 2.

Что же касается структуры и стиля эпитафии, то они следуют структуре и стилю стихотворных эпитафий, написанных Карионом Истоминым в 80-х гг. XVII – первой четверти XVIII вв. Учёный инок Чудова монастыря, интеллектуал, входивший в высшие круги московского общества, придворный стихотворец, в то время являлся самым плодовитым автором стихотворных эпитафий: в сборниках его автографов²⁶ их сохранилось более 50, причём некоторые написаны в нескольких вариантах²⁷.

Произведения этого жанра он строил как монолог надгробия с прохожим (что практиковалось авторами стихотворных эпитафий ещё со времен античности), и в разных вариациях: он давал указание на место погребения, сообщал имя покойного, его социальный и профессиональный статус, черты биографии и важнейшие, на взгляд автора, добродетели, а также время смерти. Завершалась эпитафия просьбой к читающему помолиться о душе покойного. Особо характерной для произведений Кариона Истомина, написанных в этом жанре, была фраза «в небесный град взятый», присутствующая и на эпитафии Якова Лизогуба (стк. 6). Надо сказать, что этот автор почтил эпитафиями двух участников Азовского похода, погибших под стенами крепости – окольного Тимофея Борисовича Юшкова²⁸ и стольника Ивана Петровича Троекурова²⁹.

Характеристика личных качеств Якова Лизогуба, данная в стк. 1–3, чрезвычайно близка тем характеристикам, которые обычно давал Карион Истомин адресатам написанных им стихотворных эпитафий³⁰. Показательно, что среди положительных качеств черниговского полковника употреблён не эпитет «благородный», часто встречающийся в истоминских эпитафиях, а «благоразумный», что неудивительно: Яков Лизогуб был дворянином в первом поколении, а «благородство» Карион Истомин всегда связывал с княжеским или боярским

²⁶ ГИМ ОР, «Чудовское собрание», № 300–302.

²⁷ Частичная их публикация, наиболее полная на настоящий момент: А.П. Богданов, *Стих и образ...*

²⁸ Рук.: ГИМ ОР, «Чудовское собрание», № 302, л. 50 об. (черновой автограф). Изд.: Богданов А.П., *Стих и образ...*, с. 372 (гражданским шрифтом, в современной орфографии).

²⁹ Рук.: ГИМ ОР, «Чудовское собрание», № 302, л. 51 (черновой автограф). Изд.: Богданов А.П., *Стих и образ...*, с. 372–374 (гражданским шрифтом, в современной орфографии).

³⁰ См. их сводку: А.П. Богданов, *Стих и образ...*, с. 108–109.

происхождением. Ещё одна немаловажная деталь – первым по порядку эпитетом черниговского полковника является «воин Роский славный» (стк. 1), а единственным из воинских подвигов называется взятие Азова (стк. 2), за что, как уже говорилось выше, Лизогуб получил награду от Петра I. Говоря иначе, в эпитафии на первый план выдвигаются те заслуги на поле брани, которые свидетельствуют о черниговском полковнике именно как о *русском* воине. Для автора эпитафии – что немаловажно отметить – в отличие от современности Малороссия Россия не противопоставлялись друг другу, но виделись единым целым³¹.

Но был ли Карион Истомина автором данной эпитафии? В пользу этого говорит близость её структуры и стиля аналогичным произведениям этого автора. Однако в надписи присутствует счёт лет от Рождества Христова, принятый в Малороссии когда она ещё находилась в составе Речи Посполитой. Карион Истомина по московской традиции писал годы от Сотворения Мира вплоть до первых годов XVIII в., когда западноевропейское летоисчисление было введено в России. Наконец, обилие украинизмов свидетельствуют скорее о малороссийском происхождении автора эпитафии, причём он находился под сильным влиянием традиции стихотворной эпитафии, заложенной Карионом Истоминим.

Московские надгробия последней четверти XVII – первой четверти XVIII со стихотворными эпитафиями, насколько позволяют судить сохранившиеся экземпляры, как и надгробие черниговского полковника, представляли собой белокаменные доски, вставлявшиеся в стены храмов (что при переполненности приходских и монастырских погостов неудивительно). Но главным отличием черниговской эпитафии является присутствие в ней фамильного герба Лизогубов, в чём, безусловно, видны геральдические традиции Речи Посполитой, шире – Западной Европы. Оформление герба на публикуемом надгробии также соответствует украинско-белорусским традициям (как православным, так и католическим), согласно которым герб сопровождался инициалами владельца, заключающими его титул или должность, имя, отчество и фамилию. Эти традиции, видимо, сложились не без влияния старопечатной литературы. Так, с 1581 г. в книгах, изданных в Острожской типографии, герб князя Константина Константиновича Острожского, её основателя и «спонсора»,

³¹ Характерно, что в книге современного украинского историка С.А. Павленко *Окружение гетмана Мазепы* род Лизогубов, сохранивших верность Петру I, отнесён к разряду «изменников».

сопровождается по сторонам акронимами К К К О – **Князь Константин Константинович Острожский**, а сверху и снизу герба написаны его титул и занимаемые должности. Из более близких по времени к эпитафии Якова Лизогуба можно привести «Евхологион» («Требник»), изданный митрополитом Киевским Петром Могилой в 1646 г. На оборотной стороне титульного листа здесь напечатан фамильный герб рода Могилов в геральдическом щите, украшенный митрополичьими инсигниями, а по бокам щита расположены акронимы А М К Г Е К А П – **Архиепископ, Митрополит Киевский и Галицкий, Екзарха Константинопольского трона, Архимандрит Печерский**. Ниже помещены вирши на герб, написанные на малороссийском языке.

Эти же традиции видны и на фрагменте надгробия XVII в., находящемся в костёле с. Будслав совр. Мядельского р-на Минской обл.³². Акронимы, что характерно, написаны латинскими буквами.

На надгробиях московского служилого сословия гербы появятся только в первой четверти XVIII в. В конце XVII в. оно делало лишь робкие попытки «сочинять» фамильные гербы, о чём свидетельствуют «стихи на герб» Трубецких, Шеиных и Лутохиных в бумагах Карина Истомина.

Само собой разумеется, что время изготовления эпитафии можно отнести к началу XVIII в. Возможно, она была установлена в 1701 г., после освящения новопостроенной усыпальницы. К сожалению, палеография украинских надписей XVII–XVIII вв. очень слабо разработана, чтобы можно было уточнить дату создания данной эпитафии по особенностям её шрифта. Во всяком случае, её датировка началом XVIII в. никаких сомнений не вызывает.

Таким образом, публикуемая эпитафия демонстрирует не только региональные особенности, но и, в первую очередь, неразрывность культурных связей и единство традиций московской, малороссийской и белорусской ветвей культуры восточнославянского барокко и служит хорошей иллюстрацией ко многим страницам политической истории России конца XVII в.

Список сокращений, используемых в примечаниях:

ГИМ – Государственный исторический музей

ОР – Отдел рукописей

³² Изд.: *Археологическое наследие Беларуси*, сост., авт. вступ. статьи О.Н. Левко, научн. ред. А.А. Коваленя, О.Н. Левко, Минск 2012, с. 156.

SUMMARY**The vers-epitaphion of Tszernigov's colonel Jakob Lisogoub**

This paper discusses the Vers-Epitaphion of Tszernigov's colonel Jakob Lisogoub (1698). It discusses the problem of its place in the culture of East Slavic Baroque.